
ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

**О МАЛОИЗВЕСТНЫХ СТРАНИЦАХ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ОТЦА И СЫНА ВЕРНАДСКИХ
ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ****Рецензия на книгу:*****Рябцев В.Н.* Геополитическая проблематика****в работах отца и сына Вернадских****в годы Гражданской войны на Юге России (очерк)****Ростов н/Д: Изд-во «Фонд науки и образования», 2018. 112 с.: фото; ил.**

Имя автора рецензируемой работы широко известно научной общественности и экспертному сообществу Юга России. И не только российско-го Юга. С недавнего времени и страны в целом. В.Н. Рябцев работал и работает сразу на нескольких дисциплинарных «полях». Особенно хорошо известны его работы по геополитической и конфликтологической проблематике Черноморско-Каспийского региона. Но достаточно давно в круг его научных интересов вошла и история геополитической мысли в России. Особенно плотно он занимается историей Русской мысли в области геополитики, которая выпадает на бурный XX век – «столетие кровавых революций, войн и диктатур»... Только за последние несколько лет достоянием научной общественности страны стал ряд крупных работ В.Н. Рябцева в этой области¹, не говоря уже о множестве самых разных статей историко-научного характера. Что следует подчеркнуть: весьма активно и, главное, продуктивно работая на этом исследовательском поле, В.Н. Рябцев умело совмещает как строго академический, или чисто научный «формат» работы с, условно говоря, «нестрогим». В данном случае мы имеем в виду его склонность и

---

¹*Рябцев В.Н.* «Нет пророка в своем Отечестве», или «Записка» П.Н. Дурново Николаю ПП как образец геополитического предвидения. Ростов-на-Дону: Изд-во «Фонд науки и образования», 2014; *Рябцев В.Н.* М.А. Волошин об истории и геополитических перспективах Крыма в годы Гражданской войны (очерк). Ростов-на-Дону: Изд-во «Фонд науки и образования», 2017; *Рябцев В.Н.* Геополитическая мысль в России в преддверии, в ходе и после окончания «Второй Великой Смуты». М.: АИРО–XXI, 2017; *Рябцев В.Н.* Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы (очерки). М.: АИРО–XXI, 2017.

умение работать в жанре научной публицистики. Здесь, насколько мы знаем, на него в свое время оказали влияние крупные отечественные ученые-гуманитарии: философ, эстетик и искусствовед Мих. А. Лифшиц (1905–1983) и один из создателей политологии международных отношений в нашей стране, политический философ и блистательный публицист Э.А. Поздняков (1929–2016). Рецензируемая работа выполнена как раз в этом ключе – в ключе научной публицистики. И выполнена, надо сказать, очень здорово, если не сказать больше – просто филигранно.

Мы не специалисты-литературоведы и потому не будем останавливаться на этой – чисто жанровой – стороне дела. Ограничимся содержательной. Выделим два основных момента. Один касается базового «сюжета» данного очерка, другой – некоторых частных, но не менее значимых для нас (скажем даже больше – вызвавших наш неподдельный интерес как для рецензента), моментов. Что мы конкретно имеем в виду?

Работа В.Н. Рябцева посвящена двум представителям славного и древнего рода Вернадских, внесшим большой вклад в русскую науку и культуру первой половины XX в. – великому ученому-геохимику, оригинальному мыслителю и выдающемуся организатору науки Владимиру Ивановичу Вернадскому (1863–1945) и его сыну – крупному ученому-историку, создателю исторической концепции евразийства Георгию Владимировичу Вернадскому (1887–1973). Речь идет о двух самых видных представителях той русской семьи, которая олицетворяла высший культурный слой Имперской России, точнее, о том периоде их жизни в годы Гражданской войны, когда они, гонимые «ветрами» революции, перемещаясь по стране и идя разными путями с севера на юг, в итоге встретились в Крыму – на последнем клочке *небольшевистской* России в ее европейской части, где с весны 1920 г. сосредоточилось все, что осталось от некогда мощных Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), и значительный сегмент «креативного класса» дореволюционной России с некогда питерской или московской «пропиской». Непосредственным же объектом анализа автора являются общественно-политические воззрения отца и сына Вернадских в годы Гражданской войны, в частности, волновавшие их геополитические идеи и «сюжеты», которые они рассматривали в основном с точки зрения внутренней геополитики и геоистории России. Оказавшись на юге страны, который в 1918–1920 гг. стал эпицентром гражданской междуособи-

цы, Вернадские «отметились» несколькими интересными публикациями в местной печати. Они до сих пор малоизвестны даже специалистам. Данный пробел и пытается восполнить В.Н. Рябцев.

Еще два важных момента предварительного порядка. Во-первых, рассмотрение геополитических идей и «сюжетов», развивавшихся В.И. и Г.В. Вернадскими в годы «Великого русского лихолетья», дается автором на фоне перипетий их личной жизни, вовлеченности в политические процессы при режиме А.И. Деникина и при П.Н. Врангеле. Особое внимание уделено «крымской странице» в биографии обоих Вернадских, связанной прежде всего с их работой в Таврическом университете. Во-вторых, В.Н. Рябцевым широко показана сложная внутривосточная обстановка на Юге России в период 1918–1920 гг. и международная ситуация – вокруг него; подробно освещена ситуация в Крыму вплоть до начала исхода врангелевских войск осенью 1920 г.

Читатель, не понаслышке знакомый с этими именами, может с удивлением заметить: причем тут геополитика? Какое вообще отношение к ней (как таковой) и к занятиям ею имели *минералог и геохимик*, а также историк науки В.И. Вернадский и вроде бы «чистый» *историк* Г.В. Вернадский? Вопрос этот вполне правомерен, тем более, что здесь сказывается традиционный взгляд на эти яркие фигуры отечественной науки. Но, оказывается, отношение к геополитике они в то время имели. И самое прямое. Причем, что еще важно подчеркнуть: обнаруживается синхронность соответствующих публикаций отца и сына Вернадских: они датированы одним – 1919 годом, хотя и вышли в свет в разных городах российского Юга – одна (В.И. Вернадского) в Киеве, другая (за авторством Вернадского-младшего) в Симферополе. Различие есть и в другом: если основная работа В.И. Вернадского (а это был цикл статей, а не отдельно взятая публикация) имеет явный крен в то, что мы сегодня называем политологией международных отношений, то у Г.В. Вернадского акцент сделан на геоистории. И еще оно важное предварительное замечание. Цикл статей В.И. Вернадского, о котором мы, вслед за В.Н. Рябцевым, скажем ниже, перекликается с чисто геополитической и хорошо известной теперь специалистам работой «Очерки международных отношений» П.Н. Савицкого (1895–1968), снискавшего позднее, уже в эмиграции, славу одного из «отцов-основателей» евразийства и создателя его геополитической доктрины. И что уж совсем удивительно, так это тот факт, что «Очерки...» П.Н. Са-

вицкого вышли в Екатеринодаре в том же – 1919 году! Бывают же такие совпадения?! Как видим, бывают. По крайней мере, в истории мысли. Не важно какой именно: геополитической или какой-то еще... (Заметим: в 1919 г., находясь в «красном» Петрограде, рядом интереснейших статей преимущественно геополитического содержания «отметился» также великий русский географ В.П. Семенов-Тянь-Шанский – тоже, кстати сказать, достойный сын своего великого отца – П.П. Семенова-Тянь-Шанского).

Насколько мы теперь знаем (и в этом нас убедил, кстати, именно автор), вклад В.И. Вернадского и Г.В. Вернадского в отечественную геополитическую мысль времен «Великого Русского лихолетья» не был спонтанным делом. Он был подготовлен предшествующими работами и изысканиями обоих ученых, их глубокими раздумьями об истории России и ее геополитической судьбе. А если говорить об академике В.И. Вернадском, – так еще и опытом его практической работы в качестве председателя Комиссии по изучению естественных производительных сил России (знаменитой КЕПС)¹. Но при этом у каждого из них была *своя* «точка отсчета».

То, что, например, у В.И. Вернадского вылилось в итоге в двух его работах, опубликованных в киевской газете «Объединение», своей отправной точкой имело давнее и устойчивое понимание России как «страны-континента», как страны не только европейской, но и азиатской. Де-факто В.И. Вернадского интересовали те же вопросы, что и В.П. Семенова-Тянь-Шанского. Да и шел он по сути тем же путем, что и автор проекта «Русской Евразии», который тот изложил в своей программной работе «О могущественном территориальном владении применительно к России» (1915). Здесь, безусловно, следует выделить программную работу *самого* В.И. Вернадского «Задачи науки и в связи с государственной политикой», увидевшую свет в июне 1917 г. В ряду прочего, анализируя последствия полыхавшей мировой войны, он дал свою оценку мирового положения России и ее внутренней (политико-территориальной) структуры. В последнем случае он, по сути, говорил о внутренней геополитике России, точнее, о необходимости ее «переформатирования». Об учете многонационального состава России и необходимости учитывать данный фактор, а также особую роль национальных окраин в территориальном обустройстве новой России он писал в статье «Об автономии» (1917).

---

¹КЕПС была создана в октябре 1915 г. и была поддержана в правительственных и военных кругах Империи.

Отправной же точкой для геополитических новаций Г.В. Вернадского в период его пребывания в Белом Крыму были работы 1914–1915 гг. (например, «О движении русского племени на Восток» и «Против Солнца: Распространение русского государства к востоку»), в которых он дал первый абрис своего *будущего* «евразийского проекта», которым он вплотную займется уже в эмиграции. Ядром его стал сформулированный Г.В. Вернадским применительно к России закон соотношения исторического времени и пространства¹. Применительно к обществам/государствам, подобным России, то есть занимающим огромные территории, действие этого закона составляет, по мнению Г.В. Вернадского, своего рода *философию истории* данной страны. Здесь он, по сути, предвосхищает одну из центральных (узловых) категорий евразийства, предложенную позже П.Н. Савицким и развитую им самим, – «место-развитие».

Так что, как мы видим, у героев очерка В.Н. Рябцева – двух великих русских ученых – была солидная концептуальная база для новаций, для их новых геополитических изысканий, чем они занимались в период их пребывания на Юге России (прежде всего в Крыму). Что же такого важного сказали в своих работах отец и сын Вернадские в 1919 г.? Оказывается, сказали и достаточно громко... Начнем с В.И. Вернадского.

Как мы уже отметили, В.Н. Рябцев анализирует два текста В.И. Вернадского. Говоря о первом из них, автор рецензируемой работы имеет в виду статью «Одна из задач дня» в одном из сентябрьских номеров киевской газеты «Объединение» за 1919 г., где был сформулирован целый ряд важных, концептуально значимых мыслей (с. 28–30, 92–93). В статье, например, можно прочитать следующее: «Одним из величайших, нами недостаточно оцениваемых благ, даваемых государством, является принадлежность наша к большому целому, к большому государству. Большое государство есть всегда явление в истории прогрессивное – а свободное большое государство дает такие возможности роста и влияния человеческой личности и такие удобства жизни, какие недоступны мелким формам государственности. По мере роста мировой культуры значение граждан великих государств будет все увеличи-

---

¹Речь шла об открытии культурно-исторического хронотопа, определяющего национальную специфику: при постоянстве места социальное явление изменяется во времени, а при постоянстве времени оно изменяет пределы пространства, и соотношение этих изменений эквивалентно (вывод чрезвычайно важный для его последующих исторических изысканий).

ваться, и их духовная жизнь достигнет максимально возможного размаха и широты проявления». И еще один важный момент, по В.И. Вернадскому: «В сложном и свободном организме Британской империи и в федерации Северо-Американских Соединенных Штатов мы можем проследить все увеличивающееся значение колоссальных размеров этих государственных образований как для жизни отдельного лица, так и для духовного роста личности. Свободная новая Россия (для В.И. Вернадского это страна, с одной стороны, свободная от «прелестей» большевистского режима, а с другой – чуждая тому, чтобы на ее почве произрастали всякого рода идеи и формы "самостийности". – Е.Н.) должна в мировой истории стать наряду с этими созданиями человеческой истории, т.е. занять свое, подобающее место».

Далее в статье В.И. Вернадского В.Н. Рябцев выделяет интересный фрагмент, касающийся взаимоотношений Украины и собственно России. В контексте остро стоящего ныне «украинского вопроса» этот момент особенно важен. В сентябре 1919 г. В.И. Вернадский отмечал, что «культура малорусская вполне и целиком соединена с идеей единой и неделимой России и может найти в ее великих рамках полную возможность своего самого широкого проявления. Ибо, по существу, с формами национальной культурной жизни отнюдь не связаны неразрывно формы политического выявления народа, и идея самостийности есть новое создание в истории украинского национального возрождения, отнюдь не вытекающее из его существа в истории. Борьба государственной власти с самостийностью, очевидно, не означает борьбы с культурной работой населения, которая должна невозбранно идти в рамках новой России». Владимир Иванович резюмирует: «я верю, что... будущее не в русско-украинской распри, а в русско-украинском единении. И это явление есть залог воссоздания единой, великой неделимой России». Мысль эта не давала ему покоя и много позже. Даже за порогом Гражданской войны (в условиях форсированной советизации Украины) он с тревогой смотрел на будущее российско-украинских отношений. При этом учитывал и общероссийский контекст, и план мировой политики. Нам, честно говоря, хотелось бы узнать его мнение *сегодня*: что бы сказал великий русский ученый с украинскими корнями, видя нынешнее положение дел на его родной Украине, все больше погружающейся в состояние очередной «Руины». Хотелось бы знать *его* «прочтение» очередного выверта истории,

который привел к тому, что новая (после периода 1917–1921) попытка создать украинское государство путем практической реализации на просторах Малороссии «украинства», возвращенного некогда в Галиции при прямом участии в этом венского двора. Как бы В.И. Вернадский, еще в 1915 г. специально высказавшийся по данному вопросу (см. его статью «Украинский вопрос и русское общество»), отнесся к тому, лишенному духовности «анклаву» демонстративной и циничной русофобии, презрения к истории и самого настоящего лизоблюдства перед Западом (прежде всего перед США), который создали «свидомые» на территории Малороссии в середине 2020-х гг.?

Что же касается второго текста В.И. Вернадского, который анализирует В.Н. Рябцев, то он не только более весом (в буквальном смысле слова), но и более важен (с. 31–33, 94–95). Оттолкнемся здесь, прежде всего, от того, что это была за публикация?

Дело в том, что осенью 1919 г. В.И. Вернадский завершил работу над циклом статей под общим названием «О мировой обстановке русской политики» и в октябре того же года под псевдонимом «Володарь» в той же газете «Объединение» статьи были опубликованы, но уже под другим названием – «Письма о Западе» (правда, из четырех задуманных В.И. Вернадским статей были опубликованы не все). В то время Владимир Иванович вернулся в Киев из Ростова и в ожидании новой встречи с А.И. Деникиным, с которым активно обсуждал вопрос о судьбе украинской Академии наук, решил познакомить местную публику со своим видением международной обстановки, которая на тот момент сложилась вокруг нашей страны и в мире в целом. В.И. Вернадский дал свою интерпретацию политики стран Антанты, показав одновременно с этим особенности их борьбы за контролируемые белыми территории бывшей Российской империи. Что хотелось бы в этой связи подчеркнуть (мы идем в данном случае за логикой В.Н. Рябцева). Выступая как публицист (но публицист-аналитик и притом международник!), В.И. Вернадский находился в *main-stream*'е периодической печати того времени, т.е. тех СМИ Юга России, которые формировали в 1919 г. общественное мнение относительно политики держав Антанты в «русском вопросе» и оценивали, насколько была адекватной в тех условиях внешнеполитическая платформа правительства генерала А.И. Деникина.

О чем же писал В.И. Вернадский, который искренне надеялся на возможность привлечения ресурсов Англии и Франции для реконструкции ослабленной междоусобицей России? Увы, он с сожалением констатировал факт непоследовательности их действий в отношении России, двойственность их политики в русских делах. Скажем, те же британцы. Если для реализации своих геополитических планов им *нужны были* большевики, то им оказывалась (пусть негласно и/или непрямо) заметная помощь. Хотя влияние этой «скверны», выросшей на российской почве и овладевшей средствами государственного принуждения, сказывалось едва ли не на всем пространстве обширной империи Лондона. В этой связи В.Н. Рябцев выделяет один тезис в третьей статье В.И. Вернадского, который писал: «Под влиянием разрушения таких, казалось, могущественных государственных организаций, какими являлись в глазах всего мира Германия и Россия, разрушения, происшедшего с молниеносной, едва ли бывалой в истории быстротой, произошел огромный психологический сдвиг в человечестве. Окрепили и усилились чаяния и надежды всех борющихся против современного государственного порядка людей и организаций. То, что еще недавно казалось маловероятным и даже невозможным, стало казаться возможным. Отдаленный идеал стал реальной возможностью. Это очень ярко сказалось, например, в Азии, среди всех угнетенных или раздавленных народностей или государственных образований. Белая раса и идущая сейчас с нею Япония всюду встречаются с резко изменившейся психологией народов других рас, ими подавленных. Особенно ярко и глубоко это чувствует Великобритания. Она переживает сейчас на всем протяжении своей империи напор всех враждебных течений, нередко поддерживаемых средствами и пропагандой большевиков, идущих здесь по путям, проторенным Германией». И еще: «Если к этому прибавить события в Ирландии, Китае, настроения черных негритянских рас, всюду связанные нитями с большевизмом, – добавляет он, – ясно станет, что для Англии вопрос о быстром уничтожении большевизма в России перестает быть внешним вопросом, а является вопросом внутренней государственной политики».

Анализируя текст В.И. Вернадского, автор рецензируемой работы справедливо замечает, что за неискренним и двуличным поведением западных демократий в отношении Белого движения просматривалось отношение стран Запада к *России как таковой*, что было понятно и В.И. Вернадскому. Дело в

том, что и Лондон, и Париж в то время никак не устраивала перспектива возрождения Исторической России, воссоздания ее как единой и мощной страны. Одновременно с этим их повышенное внимание привлекали политико-государственные устремления национальных окраин бывшей Империи, в связи с чем в переговорах с белыми правительствами они стремились подчеркнуть их обособленность от русского культурно-политического «ядра» (хотя это было характерно в основном для Лондона, но по ряду вопросов в плане де-факто антирусской политики Париж шел даже дальше него). Отсюда нечистоплотные, по сути русофобские геополитические «игры» британцев и французов в зоне Великого Лимитрофа; желание потрафить местным политическим силам по созданию независимых Польши, Украины, Эстонии и т.д., а в итоге сформировать из новых «независимых» государств антирусский буфер. А в случае, скажем, с Горской Республикой, как отмечает В.Н. Рябцев (было и такое квазигосударственное образование, созданное на Кавказе в мае 1918г.), имела место попытка создать не только буферное образование, но и своего рода плацдарм для панисламистов. Против кого? Понятно же: против Исторической России... И В.Н. Рябцев прекрасно показывает (с. 33–38), что данное обстоятельство – неискренность союзников «добровольцев» – формальная помощь им, но и, одновременно, протянутая рука в сторону большевиков, плюс к этому еще «игры» с националами в зоне Черноморье – Кавказ – Каспий В.И. Вернадский хорошо осознавал и считал их вредоносными.

Спрашивается: разве не то же делает сегодня Запад на западных окраинах бывшей «Империи Кремля» и в «южном подбрюшьи» современной России? Разве не ту же самую, что некогда страны Антанты, геополитику проводят ныне США (когда сами, а когда – «на паях» с НАТО) в Балто-Черноморской зоне? По сути, сто лет спустя, история повторяется... Изменился (да и то отчасти) разве что состав «местных» игроков, сменился главный внерегиональный актер, да часть местных «декораций». А так – все то же... То же «поле игры».

Теперь о геополитических новациях Г.В. Вернадского. Естественно, в интерпретации В.Н. Рябцева (с. 62–66). Из рассекреченных не так давно антибольшевистских газет, выходивших в Крыму в 1919 г., пишет он, стало известно, что в течение апреля – декабря того года в симферопольской газете «Таврический голос» Вернадским-младшим было опубликовано восемь статей различного содержания (в основном на исторические темы), две из кото-

рых имели прямое отношение к геополитической проблематике. Имеются в виду статьи «Национальное творчество русского народа» и «Против Солнца», в которых их автор занялся осмыслением исторического пути русского народа в контексте его специфической географии. Особый интерес представляет вторая статья, где Г.В. Вернадский уже обосновывает евразийский подход к изучению истории России. Незадолго до этого (27 октября 1919 г.) и явно предвосхищая содержание вышеупомянутых статей, в Национально-славянском кружке при Таврическом университете Г.В. Вернадский сделал доклад с характерным названием: «От Москвы к Тихому океану (из истории русской колонизации XVI–XX вв.)». В этих фактах В.Н. Рябцев усматривает прямое влияние на него идей В.О. Ключевского о ведущей роли колонизации в истории России (слушателем нашего великого историка Г.В. Вернадский был еще в бытность своей учебы в МГУ)¹. Кроме того, примерно в то же время из-под пера Г.В. Вернадского вышел текст чисто геоисторического характера, касавшийся исторических обстоятельств и необходимости присоединения Тавриды к России, представляющий немалый интерес в свете сегодняшних реалий.

Что же важного сказал Вернадский-младший в своих статьях? – задается вопросом В.Н. Рябцев? И так отвечает на него.

В первой из них, по его мнению, доминируют геоисторические идеи и «сюжеты». В ней Г.В. Вернадский указывает на ошибочность точки зрения тех, кто, говоря о России, противопоставлял «государство» и «общество» или «государство» и «народ»; критикует тех авторов, по мысли которых развитие государственной мощи России было процессом, совершенно не связанным с развитием «народа» или «общества». Вину он здесь возлагает прежде всего

---

¹Вопросом о русской колонизации пространства Северной Евразии он много занимался, находясь уже в эмиграции. В одной из своих самых известных работ – в учебнике по русской истории, который был предназначен для американских студентов-славистов (над ним Г.В. Вернадский работал, начиная с 1927 г. и по 1969 г.) он писал, например: «Все ...обширные пространства Евразии были заняты русскими в ходе длительного исторического процесса. Когда русский народ впервые появился на исторической арене в период между III и IX вв., он занимал только западный угол Евразии к северу от Черного моря. Из этой небольшой территории, двигаясь на восток в направлении восхода Солнца, русские поселенцы к 1650 г. достигли берегов Тихого океана, а двумя столетиями позже оказались у Тянь-Шаня в Центральной Азии. Как в этом великом движении на восток, так и в выдающемся сопротивлении, которое русский народ проявлял в отражении атак соседей, удерживая западную границу вдоль Карпатских гор, он продемонстрировал много мужества и решительности». И еще одна мысль классика русской науки: «Фундаментальная необходимость, которая направляла русский народ на восток, кроется глубоко в истории... Это совсем не "империализм" и не проявление мелких политических честолюбий российских государственных деятелей. В конечном счете, может быть, это необоримая логика географии, которая лежит в основе всей истории» (Вернадский Г.В. (1969). Русская история: Учебник. М.: Аграф, 1997).

на отечественных славянофилов. Взгляд же этот, отмечает Г.В. Вернадский, был углублен социалистическим уклоном русской общественной мысли и экономико-юридической школой русской историографии. Вся наша оппозиция строила свою противоправительственную идеологию на таком разделении «общества» и «государства». Но жизнь показала, что когда такое разделение действительно произошло (как во время Революции 1917 г.), то это стало гибелью/распадом и для «государства», и для «общества». Государство могло держаться лишь до тех пор, пока оно было поддерживаемо народным сознанием. Верно и обратное: народ лишь тогда мог жить мирной культурной жизнью, пока жизнь протекала в рамках государственности. Иными словами: развитие народа и развитие государственности, по Вернадскому-младшему, неотделимо одно от другого. Это просто разные стороны одного и того же исторического процесса.

Государство росло и распространялось, потому что рос и распространялся народ. Государство болело тогда, когда болел народ. Государство развивалось, потому что развивался народ. Государство есть *результат народного творчества*. Эти творческие силы чувствовал в русском государстве даже западник Герцен, который при всей своей ненависти к абсолютистскому русскому правительству, не мог не признать глубоко народный характер Империи (с его точки зрения, даже более народный, чем «период царей московских»).

Может быть, самый убедительный пример народной основы русского государства следует видеть как раз в том, что принято считать лишь «внешним усилением» государства – в процессе расширения и распространения территории русского государства. Внешний рост русского государства являлся лишь подведением итогов народной русской колонизации. И с этой стороны русское государство – плод национального творчества русского народа.

Это те наиболее важные моменты, которые В.Н. Рябцев выделяет, говоря о статье «Национальное творчество русского народа». А вот, по его мнению, ключевые идеи второй статьи Г.В. Вернадского.

Вместе с автором рецензируемой нами работы читаем у Георгия Владимировича (с. 65–66): «Два племени разделили между собою главную честь великой исторической задачи, выпавшей на долю индоевропейской расы. Задача заключалась в колонизации земного шара, в распространении христианско-европейской культуры и свойственных ей форм государственного

быта. Эти племена – англосаксонское и русское. Первоначальная их родина – близкие друг к другу по географическому положению местности центральной и центрально-восточной Европы.

Стихийный поток англо-саксонской колонизации направился оттуда по солнцу, к западу, на Британские острова, а с половины XVI в. – дальше на новую землю, в Америку. Русская же колонизация лилась в противоположном направлении: против солнца, к востоку.

В северо-восточной части нынешней Европейской России, на территории Московского княжества и замосковных земель творилось Московское государство, созидалась и собиралась с силами русская народность, загнанная в этот глухой угол набегами кочевников на степи южной России. В половине XVI в. начинается стремительно быстрое распространение Московского государства на восток и юго-восток, на низовье Волги, на Яик (Урал), в Прикамье и за Каменный Пояс (Уральские горы – в Сибирь).

Первая волна поступательного движения русского племени на восток вызвана не правительственной, а частной инициативой. Глубоко неправилен и не историчен распространенный взгляд, будто русское племя обнаружило в истории косность и пассивность, недостаток инициативы и предприимчивости, будто оно только рабски-покорно следовало велениям правительства.

Конечно, было бы точно такую же ошибкою утверждать обратное: будто правительственная политика в деле укрепления и распространения русской народной колонизации играла лишь небольшую роль. Во всяком случае, правительственная политика все время питается мощными подземными историческими движениями народа».

Как отмечает В.Н. Рябцев, несколько опаздывая по времени от своего отца, который серьезно заявил о себе на ниве геополитической аналитики и публицистики, молодой Вернадский тоже не обошел вниманием вопросы геополитики (а заодно с ней и геоистории) России. Другое дело, что он не был столь продуктивен в этих областях, как его отец. К тому же, реальный ход событий на Юге России, в частности, в Крыму и вокруг него, внес существенные коррективы в творческие планы молодого Вернадского. Ведь набравшее силу русское «лихолетье» в итоге развело некогда дружную семью Вернадских по разные стороны (по сути, «баррикад») – одна ее часть осталась в Советской России, другая же – пополнила ряды быстро множившейся

русской эмиграции, став со временем заметным элементом ее интеллектуально-научного слоя. А так: как знать? Не будь исхода Г.В. Вернадского вместе с армией П.Н. Врангеля, членом правительства которого он был, на берега Босфора, может быть, еще находясь в Крыму, он бы продолжил свои геополитические изыскания и «отметился» какими-то заметными достижениями?!

В этой связи В.Н. Рябцев делает одно важное уточнение (с. 77–78). Он пишет о том, что Г.В. Вернадский проявил интерес к евразийству, включая его геополитические аспекты еще до Революции 1917 г. и даже до начала мировой войны. Конечно, между его идеями и воззрениями в тот период времени и теми идеями, мыслями и «сюжетами», которые он развил в 1927 г., а именно в тот год в Праге вышла в свет его первая крупная работа с серьезным геополитическим наполнением – «Начертания русской истории»¹, была дистанция немалого размера. Но как знать: не был ли здесь стыковым моментом как раз тот самый, насыщенный событиями и в высшей степени продуктивный период пребывания Г.В. Вернадского в Крыму, в частности, его статьи в «Таврическом голосе» за 1919 г.?! Как знать: может быть, именно тогда в голове Г.В. Вернадского сформировался главный концепт его учения – «месторазвитие», под которым он понимал совокупность природно-географических условий, которые налагают неизгладимую печать своих особенностей на человеческие общежития», вынужденные развиваться в этих условиях?² Может быть, именно в Крыму, будучи очевидцем, а отчасти и прямым участником событий «Второй Великой Смуты», Г.В. Вернадский вышел на разработку вопросов *Гео-ХроноПолитики Евразии* (мы имеем в виду разработанную им в 1927 г. схему периодической ритмичности государствообразующего процесса на евразийском континенте)³? Полагаем, что да: так оно и было. Поэтому резонно предположить, что без «Вернадского-Крымского» не было бы и

---

¹Этот фундаментальный труд Г.В. Вернадского вышел в свет с приложением в виде «Геополитических заметок по русской истории» самого П.Н. Савицкого!

²По мнению Г.В. Вернадского: «Социально-историческая среда и географическая обстановка сливаются в некое единое целое, взаимно влияя друг на друга. В разные исторические периоды и при разных степенях культуры человеческих обществ различная совокупность социально-исторических и географических признаков образуют различные месторазвития в пределах одной и той же географической территории» (*Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000). И еще одна мысль (теперь уже прямо касающаяся России): «В процессе образования Российской Империи русское племя не только воспользовалось географическими предпосылками евразийского месторазвития, но в значительной степени создало себе для будущего Евразию как единое целое, приспособив себе географические, хозяйственные и этнические условия Евразии. ... Сама природа Евразии в наше время есть природа, в значительной мере переработанная русским народом в своих хозяйственных нуждах» (Там же, с. 26).

³Там же, с. 30–33.

«Вернадского-пражского», т.е. не было бы того самого создателя исторической концепции евразийства с сильным уклоном в геополитику, с «репутацией» которого Георгий Владимирович покидал европейский континент, перемещаясь за океан. Там он позднее стал профессором одного из самых престижных университетов США – Йельского, и ученым поистине мировой величины. Впрочем, это уже другая история...

Вот то главное, что мы хотели отметить, говоря о содержательной стороне работы В.Н. Рябцева, о его удаче как автора. Но, как мы уже сказали в начале рецензии, есть и ряд *частных* моментов, касающихся содержания работы, которые тоже заслуживают внимания, и при этом должны быть отмечены знаком «плюс».

Выполняя роль настоящего «археолога» и «архивариуса» от науки, В.Н. Рябцев открывает для широкой публики несколько интереснейших и при этом малоизвестных фактов, касающихся жизни и научного творчества В.И. и Г.В. Вернадских. Но не только этих великих персон в истории русской науки и культуры. И ряда других деятелей той поры, жизненные судьбы и деяния которых пересекались с Вернадскими тоже. Кое-где в тексте, прежде всего там, где В.Н. Рябцев реконструирует внутривосточную ситуацию на Юге бывшей Империи и геополитическую... – вокруг него, в «Большом Черноморском регионе», он даже *сознательно* идет на такого рода отвлечение. Упрекнуть его в этом нельзя, поскольку, во-первых, это право автора, а во-вторых, такой способ изложения в конечном счете «работает» на интересы читателя, помогает ему буквально почувствовать «цвет и запах» того времени. (Например, поражает его красочное, но при этом исторически точное описание Ростова-на-Дону в 1919 г. ставшего на время не только центром антибольшевистской борьбы на Юге России, но и средоточием общественной, интеллектуальной и художественной жизни на Юге России вообще (с. 24–27). Одним из факторов, который способствовал этому, был большой приток столичных беженцев – видных деятелей науки и культуры, политиков и общественных деятелей. Все эти люди, шедшие с севера на юг, гонимые бедами и ужасами Гражданской войны, проходили через самый крупный город Области Войска донского, на время или подолгу задерживаясь здесь. Это в *значительной* мере оживило местную культурную, научную и особенно художественную жизнь. Вообще безусловным плюсом очерка является то, что он обильно снабжен очень интересной «фактурой», а прекрасное знание В.Н. Рябцевым историографии вопроса усиливает его позиции как автора.

Иначе говоря, мы имеем в виду тот удачный его прием, который позволяет В.Н. Рябцеву обогатить свой текст, еще более насытить его, поскольку в развитие основного сюжета и в дополнение к тому, что им говорится о геоисторической и геополитической проблематике в работах В.И. и Г.В. Вернадских, В.Н. Рябцевым развито несколько мини-сюжетов и намечено несколько других интересных тем. За неимением места для их подробного анализа (объем и сам формат рецензии не позволяет нам это сделать), ограничимся их перечислением. Назовем те их них, которые показались нам наиболее важными.

1. В.Н. Рябцев, например, справедливо пишет о том, что многое в происхождении, ходе и исходе Гражданской войны не ясно до сих пор, поскольку мы не осмыслили ту войну во всем ее многообразии и сложности. И примитивной классовой теорией и закрепленной в сознании многих советской историографией здесь уже не обойтись. К примеру, он ставит вопрос: почему такое яростное сопротивление красным «интегрислам», желавшим в итоге пустить Россию на распыл «мировой революции» и имевшим при этом своей этносоциальной базой Велико-россию, оказал вольнолюбивый Юг страны – от дельты Дуная до устья реки Дон? Не потому ли, что к моменту «Второй Великой Смуты» здесь активно формировался новый русский субэтнос – *новороссы*, о чем убедительно писал в свое время военный теоретик и геополитик Е.Ф. Морозов? Речь о тех, не знавших тягот крепостничества, смелых, предприимчивых и свободолюбивых людях степей Причерноморья и Приазовья, которые, не отделяя себя от России, тем не менее отличались от расположенных севернее частей страны целым рядом особенностей, включая особенности психотипа (с. 4–5, 85–86)¹.
2. Наш автор отмечает тот факт, что в условиях, когда Российское государство как единое политически-организованное пространство перестало существовать, настал «золотой час» для национал-сепаратистов, пытавшихся проскочить между Сциллой (красными) и Харибдой (бе-

---

¹В этой связи В.Н. Рябцев поднимает вопрос: почему, например, такое стойкое и жесткое, даже более длительное, чем на Юге (прежде всего со стороны донского и кубанского казачества) сопротивление большевикам оказывали не менее вольнолюбивые, чем Дон или Кубань, Сибирь и Забайкалье со своим «насельником» этой земли – другим российским субэтнотипом – челдонами, а окончательный исход последних приверженцев «старой России» осенью 1922 г. произошел еще дальше – на Дальнем Востоке!? Не потому ли, пишет В.Н. Рябцев, что наши представления о русском народе как некоей нерасчлененной целостности – как в общем смысле, так и применительно к условиям Гражданской войны – это устойчивый стереотип? И в обоснование *такой* постановки вопроса автор приводит весомые научные доводы видного русского этнографа Д.К. Зеленина (с. 4–5, 85–86). Да, здесь есть, над чем подумать, над чем поразмыслить...

лыми) и предложить свой – третий – путь выхода из состояния «Русской Смуты». И в той ситуации в полный голос заявило о себе казачество (с. 7–8). Ведь не надо забывать, что это сословие (но оно же и особый народ), составлявшее едва ли не главную ударную силу среди всех *антибольшевистских* сил, проявляло устойчивое стремление к региональной автономии и федерализму, что было несовместимо с базовой установкой белых на централизацию (унитаризм), на воссоздание «единой и неделимой» России без «оглядки» на то, чего хотели и чего действительно желало большинство жителей Дона или Кубани, не говоря уже о разнородных национальных «окраинах» России. Не случайно на Дону и на кубанской земле получил глубокое развитие свой специфический вариант «областничества» – общественно-политического движения, которое было очень популярно в дореволюционной России (особенно в Сибири). Его адепты говорили о будущей России как о демократическом государстве, объединенном в федерацию автономных равноправных областей» и резко критиковали сторонников жесткого централизма, которые игнорировали особенности многих русских земель, механически объединяя их в некое единое целое. Они обосновывали законность стремления ряда русских земель к особому пути развития и территориальному самоопределению, всячески выпячивалась традиция «новгородско-псковского народоправства»¹. За этим В.Н. Рябцев усматривает признание извечной борьбы двух «укладов русского быта» – «удельно-вечевого» и «единодержавного» (говоря языком Н.А. Костомарова),

3. В своем очерке В.Н. Рябцев обращает внимание на тот факт, что вопросами внутренней геополитики и нового обустройства страны был озабочен в то время не только В.И. Вернадский, но и целый ряд других политиков, интеллектуалов и общественных деятелей. В частности, он имеет в виду такую колоритную фигуру в Белом движении как В.В. Шульгин (1878–1976), по инициативе которого в январе 1919 г. создана Комиссия по национальным делам (КНД) (с. XX–XX). Дело в

---

¹Как отмечает В.Н. Рябцев, наиболее четко столкновение двух концепций будущего государственного устройства и развития России прослеживается в противостоянии генерала А.И. Деникина и атамана П.Н. Краснова. Отсюда серьезные противоречия между лидерами «добровольцев» и донскими/кубанскими атаманами по вопросу выработки генеральной линии антибольшевистской борьбы.

том, что в концептуальном отношении В.В. Шульгин был озабочен проблемой территориальной реорганизации России, в одночасье переставшей быть Империей. В этих условиях у В.В. Шульгина родилась идея особой комиссии при Особом совещании (ОС) А.И. Деникина, которая ставила своей целью сбор и разработку материалов для защиты русских интересов на Парижской мирной конференции (она начала свою работу в январе 1919 г. и для определения политики в отношении явно набиравших силу этнонациональных движений на западной и южной окраинах бывшей Империи. Кроме того, в контексте выстраивания лидерами Белого движения *своих* планов по государственному строительству КНД занялась подготовкой вариантов нового политико-территориального устройства страны, в частности, просчитывая возможность деления Новой России на систему отдельных самоуправляющихся «единиц» (земель, или регионов, как мы теперь говорим). Иначе говоря, эксперты КНД приветствовали назревшую на окраинах бывшей Империи децентрализацию. Но возникал вопрос: как районировать прежде всего территорию, которую занимали в то время сами белые, т.е. Южную Россию; как именно производить «нарезку» областей (или регионов). Наисерьезнейший вопрос... И тем не менее, уже весной 1919 г. КНД вынесла на обсуждение ОС свой проект территориального устройства контролируемой белыми части России¹.

4. В связи с вышесказанным В.Н. Рябцев намечает еще одну тему для серьезного разговора – тему Украины (Малороссии). Поскольку наиболее болезненным в то время для лидеров Белого движения был именно «украинский вопрос», пишет он, то работавшие под эгидой КНД эксперты уделяли особое внимание. Их воззрения и суждения интересны и любопытны, особенно в свете современного украинского кризиса. Но они важны и в контексте того, что волновало тогда лично В.И. Вернадского (и в связи с созданием украинской Акаде-

---

¹Его суть состояла в делении ее на крупные области, причем в основу границ между ними были положены не этнические, а «комбинация» географических и экономических факторов, с учетом былой истории областей. За этим четко просматривался подход, предложенный одним из главных идеологов шульгинской комиссии – А.Д. Билимовичем (1876–1963), который как раз предложил принцип «областничества». А.И. Деникин пошел на это, допуская широкую автономию областей и систему выборных органов власти на местах. Иначе говоря, он пошел на децентрализацию. Это решало бы две задачи: препятствовало сепаратизму национальных окраин и снимало с ОС груз решения национальных проблем (заниматься ими, по большому счету, было тогда недосуг).

мии наук и не только...), – пишет В.Н. Рябцев (с. XX–XX). Для специалистов КНД нет никакой Украины, а есть Малороссия – особая, специфическая часть «Большой (Исторической) России». Это исконная, древняя русская область, здесь колыбель российской государственности и негоже «самостийникам» присваивать себе некое «историческое» право на обладание данной *Русской* землей!¹ Но это не отменяет необходимости того, чтобы в новых исторических условиях более аккуратно подойти к районированию этой обширной территории. Как показывает В.Н. Рябцев, одним из обсуждавших в 1919 г. вариантов был и такой: создать здесь три территориальных «блока»: Правобережную Малороссию (с центром в Киеве), Левобережную (с центром в Харькове) и... Новороссию (с центром в Одессе), которая при благоприятном для Новой России стечении обстоятельств могла бы «прирасти» еще и Бессарабией. Не то предлагали украинские «самостийники», например, их лидер М.С. Грушевский. Его подход был кардинально иным: стремясь оторвать «Украину» от России любой ценой, он предлагал создать эту «державу» путем интеграции девяти прежних малороссийских губерний, а затем «нарезать» ее территорию по схеме «27 + 3» (27 мелких «земель» и три самых крупных города – Киев, Харьков и Одесса). Члены КНД были категорически против. В ряду прочих аргументов «против» был и тот, что касался «статуса» Новороссии, которая, по большому счету, имела малое отношение к Малороссии. Но она, кстати сказать, и в немалой степени была отлична и от остальной России – Великороссии².

5. Как отмечает В.Н. Рябцев, оказавшись в 1920 г. в Крыму и став «по случаю» ректором Таврического университета, В.И. Вернадский, конечно, был далек от тех геостратегических комбинаций вокруг Крыма

---

¹Нет и никакого особого украинского народа (а тем более нации), к тому же с особым языком, в корне отличным от русского. Это просто-напросто отдельная, отчасти обособившаяся под влиянием внешних факторов (влияние Польши и Австро-Венгрии) ветвь Великого Русского Народа. Вброшенный же из Австро-Венгрии термин «Украина» не носит этнографического характера; это чисто географический термин, означавший некогда только одно – «окраинное» положение этих земель и «пограничное» (в плане психотипа) состояние местного населения. Да и то далеко не всего... В этом смысле расцветшее пышным цветом в годы Гражданской войны на части Юга России «украинство» – абсолютное зло.

²До первой половины XVIII в. – это практически необитаемая Степь; с середины века она начала осваиваться именно русскими людьми; колонизация края шла быстро, вполне целенаправленно и системно, с привлечением «иноземцев», изъявивших желание подчиниться российской короне; край стал интенсивно развиваться, обретая хозяйственную специализацию; имел уникальное геоэкономическое положение в Причерноморье.

и Юга России в целом, которые выстраивались отдельными лицами и разного рода политическими силами. Но интересовался этим – безусловно. Не мог не интересоваться, хотя, конечно, не так активно, как его сын. Тем не менее, как полагает В.Н. Рябцев (с. 59), будущий создатель учения о биосфере он прекрасно понимал, что Таврида – абсолютно уникальная, энергоизбыточная точка в Евразии, зона «энергетического притяжения». Но так получилось, что осенью 1920 г. эта территория была последним значительным осколком Исторической России, став почти миллионным краем, да еще с огромным числом русских «элитариев». Уже не говоря о том, что геополитическая значимость полуострова в тот момент времени была очень велика, а ставки в игре, которую вели вокруг него как белые, так и союзные державы, большевики и даже кемалисты, с целью сложить выгодный для себя «пасьянс», – были чрезвычайно высоки! А геостратегические комбинации вокруг «Острова Крым», которые в период врангелевского правления разыгрывали вовлеченные в процесс игроки, были весьма интересны. Увы, этот вопрос все еще очень плохо освещен в нашей литературе. И хорошо, что его ставит в своей работе В.Н. Рябцев.

6. Или вот еще один интересный «сюжет». Он обращает внимание на тот факт, что истинной целью государств-интервентов было вовсе не свержение власти большевиков и не реальная помощь Белому движению, а обеспечение своего влияния в тех государственных «новообразованиях», которые в годы «Второй Великой Смуты» в избытке возникли и (кто долго, кто не очень) существовали на территории бывшей Российской империи и рвались к международному признанию. Конечной же целью «интервентов», например тех же американцев, было установление контроля над территорией бывшей Российской империи с неограниченным доступом к ее богатствам. Отсюда и наметившееся к весне 1919 г. стремление англосаксов к заключению соглашения с «красными». Никто из лидеров Антанты, конечно, не собирался признавать режим большевиков. Тем более, никто в Лондоне и Вашингтоне не мечтал о том, чтобы произошло государственное объединение всей России, пусть и под красным знаменем. Просто было естественное желание использовать трудное положение «Совде-

пии» для ее эксплуатации, поэтому западный капитал не могло не заинтересовать предложение насчет концессий, исходившее от... самого Ленина (что имело место в феврале 1919 г.). Чем это был не благоприятный повод для широкого экономического проникновения к природным и иным богатствам страны, лежавшей в сердце Евразии? В этом плане весьма любопытно ознакомиться с позицией США по «русским делам» в канун и во время проведения мирной конференции в Париже, которую, максимально документируя, приводит в своей работе В.Н. Рябцев (с. 35–37). Она весьма красноречива.

И это далеко не все те интересные, иные – так остро дискуссионные, темы и вопросы, которые поднимает в своем очерке В.Н. Рябцев. Однако ограничимся сказанным и отметим еще один важный для нас – но уже как для читателя, а не рецензента – момент.

Несомненным достоинством рецензируемой работы является ее прекрасное оформление, плюс к этому тщательно подобранные автором фотографии и рисунки. Вообще говоря, это стиль автора, который всегда и весьма тщательно подходит к оформлению своих работ. Что несомненно делает ему честь. Читая очерк В.Н. Рябцева и видя, как любовно и с каким вкусом он выполнен, невольно хочется продолжения... Причем продолжения не только «повествования» об отце и сыне Вернадских, в ходе которого автор раскрывает малоизвестные страницы их жизни и творчества или предлагает по-новому взглянуть на целый ряд вроде бы хорошо известных нам страниц, в частности описывает те потрясения и лишения, которые перенесли Вернадские (именно все они – как семья) в годы Гражданской войны. Нет, хочется вообще продолжения начатого автором разговора о перипетиях развития Русской мысли во времена «Второй Великой Смуты». Да и не только во времена оной... Тут уж ничего не поделаешь: как говорится, «вкус приходит во время еды»...

Жаль, конечно, что такие интересные и ярко написанные работы, как очерк В.Н. Рябцева о геополитических идеях и исканиях отца и сына Вернадских, выходят столь малыми тиражами. Но, увы, это реалии нашего сегодняшнего времени, когда финансовые средства, скажем, те же грантовые субсидии (особенно в социально-гуманитарной науке) идут бог знает на что – на разного рода эфемерные проекты, на какие-то мало понятные (но при этом обязательно инновационные!) научные программы и разработки, к которым

так и хочется добавить слово «квази-», но только не на дело, на то, что действительно развивает науку (пусть и с уходом в ее историю), расширяет кругозор молодого поколения, которому явно не хватает гражданского сознания, и формирует установки подлинного патриотизма у наших соотечественников вообще. Однако ловим себя на мысли: хорошо уже одно то, что работы, подобные тексту В.Н. Рябцева, все же появляются, выходят в свет. И нам остается пожелать удачи автору в его столь важном, социально значимом деле и выразить надежду на то, что из-под его пера выйдет еще не одна интересная работа по истории геополитической мысли в России.

*Доктор философских наук
профессор Е.Е. Несмеянов*
